

Владимир Дашкевич — один из самых известных мелодистов современности. Он написал музыку к 80 спектаклям и более чем 150 кинофильмам, в числе которых культовые «Шерлок Холмс и доктор Ватсон», «Бумбараш», «Собащее сердце»... Его песни «Ходят кони» и «Журавль по небу летит» давно получили высокое звание народных.

Не так давно Дашкевичу исполнилось 70. Его творческая жизнь в полном разгаре — недавно состоялись театральные премьеры с его музыкой — «Мертвые души» и «Пир во время чщумы», сейчас композитор одновременно работает над оперой «Ревизор» для Бориса Покровского и экранизацией пьесы Островского «Волки и овцы». Дожидаются своего часа еще десятки различных предложений. Но мы решили поговорить с Дашкевичем о головной боли любого хорошего композитора — современной популярной музыке.

— Что вы думаете о кризисе современной музыки?

— Все, что происходит сейчас в легкой и классической музыке, — результат мощных глубинных негативных процессов. Не только в музыке, но в культуре в целом. Все гении, в том числе Моцарт, сходились во мнении, что чем более великий художник, тем меньше он сочиняет. Не он пишет, а им пишут. Я верю в то, что художник получает от природы определенную программу выживания человечества — архетипы. Архетипы закладываются в подсознание каждого человека, это свет, который горит на его пути. Но кто-то должен его зажечь. И во все времена это делали именно художники. Но в последнее время свойство получать этот сигнал сохранилось у очень немногих из них. С увеличением информации, ее ускорением сила этого сигнала стала опасной для жизни, художники стали погибать — вспомните судьбы многих и многих...

Некоторые художники стали уходить от опасности и как следствие — потеряли способность передавать архетип понятным для людей явление, как бегство в авангард: профессиональное искусство, лишенное языка. Профессионалы смотрят, критики хвалят, а люди ничего не понимают. С другой стороны, появилась обратная сторона медали — попса, язык, лишенный искусства. Перестав получать новые архетипы, человечество заматалось, потеряло моральные ориентиры. России, где этическая система всегда была слабой, это касается в первую очередь. Наш народ был и остается язычником — я могу сказать это как музыкант. В русской музыке христианства нет, как есть оно на Западе в произведениях Баха, Моцарта, Верди... Языческая музыка — это Бородин и Мусоргский, Стравинский и Прокофьев, весь фольклор. О том, что православие оставило в нашем народе какой-то след, можно было бы говорить, если бы оно было воплощено в художественных образах. Но христианского пласта в русской классической музыке практически нет. В России этическую систему поддерживали только интеллигенция и художники. Для этого были нужны

мощные моральные лидеры — такие как Толстой, Чехов, Достоевский или Шостакович.

— Сегодня в роли моральных лидеров все чаще оказываются представители попсы...

— За последние 30 лет в нашей стране из институтов выпущено около тысячи молодых композиторов. Но этих имен никто не знает. Воспитание под знаком авангарда делает их творческими импотентами. А попсовые артисты, приватизировавшие эстрадную песню, не пускают к себе профессионалов. Приватизацию песни начала Пугачева. Она первая смекнула, что профессиональные авторы сократят ее доходы, и года с 1985-го практически не исполняла песни профессиональных авторов, даже тех, что выве-

Владимир ДАШКЕВИЧ:

«Появились песенные абрамовичи и березовские, которые никого наверх не пускают, а сами ничего не умеют»

фото автора

Приватизация песни

ли ее на арену, того же Паулса, а перешла на собственную продукцию. За ней пошли все остальные. Артисты, которые попали в волну при Ельцине, очень хорошо устроились в жизни. Многие известные деятели эстрады — держатели акций государственного телевидения, у многих есть акции предприятий, имеющих отношение к «трубе». Эта приватизация песни вызвала колоссальное снижение ее профессионального уровня. К приватизации прибавилась монополизация, и появились песенные абрамовичи и березовские, которые никого наверх не пускают, а сами ничего не умеют.

Возьмем Киркорова: он профессионально слабо подготовлен, у него посредственный слух. Если смот-

реть на него беспристрастно, то трудно понять, как он стал поп-звездой. Артист он никакой. Если бы вы слышали его «сырой», необработанный голос! Если бы не компьютерная техника и звукоорежиссура, ему можно было бы выступать разве что в «Аншлаге». Тем не менее у него есть широчайшие возможности пиара в системе, которую выстроила Алла Борисовна. Она не допускает конкуренции. Да, в попсовых верхах происходит передел собственности, но от одних своих к другим своим. У нас это принято называть борьбой элит. Но признаком элиты всегда считалось преимущество в таланте и интеллекте. Для нашей попсы преимуществом является отсутствие любых моральных норм.

— Как вы относитесь к творчеству современных популярных композиторов, например, к произведениям Крутого?

— Музыка — очень формализованное искусство и сводится к двум критериям. Первое — понимание того, что в произведении есть существенная проблема. Второй критерий — запоминаемость мелодии. До сих пор вся Индия свой эпос знает исключительно потому, что она его поет. Вне запоминаемости музыки не существует.

Классическая музыка — это та, которую человечество помнит сотни лет. Если вы не можете какую-то мелодию носить с собой больше года, то, скорее всего, ее не надо носить вообще. Мода ничего не значит. «Бесаме мучо» тоже была написана в период определенной

моды 16-летней девчонкой. Но человечество ее помнит, так же как и песни «Битлов». Про таких композиторов, как Крутой, я могу сказать одно: я не могу запомнить их музыку и не понимаю, какие проблемы они поднимают.

То, что мы видим сейчас в легкой музыке, происходит оттого, что исчезла серьезная музыка. Когда был жив Шостакович, легкую музыку писал Дунаевский, когда были живы Верди и Вагнер, легкую музыку писал Оффенбах и Штраус. Когда их не стало, появился Крутой. Впрочем, мне интересно творчество бардов — для меня они скорее поэты, которые иногда создают интересные музыкальные формы. Есть удивительные песенные формы и у Окуджавы, и у Галича, и у Кима. «Yesterday» — это тоже

жемчужина по форме и тоже бардовская песня. Если бард включает гитару в розетку, он может назвать себя рокером, но сути дела это не меняет.

— А что вы можете сказать о современной российской песне?

— Песня, как и любое другое музыкальное произведение, — это маленькая программа выживания. В русской попсе примерно 95—97 процентов песен написано в миноре, потому что в миноре легче сочинять и производить эмоциональное действие на аудиторию. Но минор в музыке — это знак неудачи! Такое количество минорных «программ выживания» воспитывает поколение неудачников. Когда же минор переносится в блатную песню, то это превращает страну в зону. А качественную эстрадную песню Россия не создала. Вот летите вы в лайнере за рубеж. У вас в кресло вмонтированы наушники. Вы можете выбрать французскую, индийскую, итальянскую эстраду, но не можете выбрать русскую, потому что нет такого понятия.

«Этот процесс начала Пугачева. Она первая смекнула, что профессиональные авторы сократят ее доходы»

(Продолжение материала
Аллы ГЕРАСКИНОЙ
на стр. 24)